

Бегучая Клава

— А твой-то, поди, встречает, весь перрон истоптал, пока ждал. Слышь, Клава, красавец твой ждет не дождется.

— Да хоть бы! Сумку отдам, неподъемная...

— Да ну, только из-за сумки... а сама не соскучилась?

Клавдия делает вид, что не слышит, хотя и прячет улыбку на усталом лице, заглядывая в каждое купе. Ходит она торопливо, почти бегом, привыкла за годы работы. Крикнет кто: «Проводница, чайку бы!» — она в ответ: «Бегу, бегу».

И убирается так же скоро и белье выдает — шустрая, с ладной фигурой женщина. Напарница так и прозвала ее: «бегучая».

— Ох, и бегучая ты, Клавка, в Москве за тобой не угонишься. И куда торопишься?

— Куда я тороплюсь? Известное дело: заказы выполнить.

Трое суток идет поезд до Москвы. А в столице неполный день стоит, вот проводники и рвутся дефицит раздобыть. Дома-то, как говорится, голяк на полках магазина, а в столице хоть что-то «выбрасывали», места знать надо, да времени бы побольше. В 90-е так и было.

В эту поездку Клава купила кофе, саями, шоколадные конфеты да еще много чего вкусного, что довести можно. В пакете с импортными надписями лежал пуловвер для Гоши, Клава чаще звала его Гошенька. Сошлись год назад, расписались. Дочка хмыкнула на появление Георгия в доме, но ничего не сказала, поняла, что влюбилась мать.

Набитая сумка была такой тяжелой, что Клавдии приходилось останавливаться, чтобы отдышаться. Потом она хватала сумку и бормотала на ходу: «Бегу, бегу, бегу», подгоняя себя. Она и дома по привычке повторяла: «Бегу, бегу, Гошенька», это если позовет рубашку подать или чаю налить.

Уже в метро пора спускаться, на Казанский вокзал торопиться надо, а Клавдия увидела очередь в универмаг. Машинально завернула — больше из любопытства. Очередь двигалась быстро. «Ну а что, метро рядом, доехать успею», — решила она.

Досталась Клавдии в этот раз курточка, кожаная, как раз ее размера. Была эта курточка последней. Пожалела она, что дочери не подойдет: на два размера больше оказалась. А Клавдии в самый раз.

— Что, и примерять не будете? — спросила продавщица. Клавдия молча надела куртку — как будто на нее шили. Стоявшая за ней женщина с завистью сказала:

— Если не берете, так отойдите.

— Чего это я отойду, возьму я ее!

Вещи себе покупала редко. Эта куртка как на голову ей свалилась, совсем случайно. И думала она тогда про Гошу: хотелось ему нравиться, чтобы любовался ею.

К вагону торопилась изо всех сил: «Бегу, бегу», приговаривала она. Напарница тоже только что пришла, скоро состав на посадку потянут.

Уже в дороге, часа через два, как выехали из Москвы, напарница Люда спросила:

— Ну говори, чего купила?

Клавдия достала серо-голубой пуловер для Гоши, как раз под цвет его глаз.

— Ну это вещь! Он и так у тебя красавец, ох, одеваешь ты его, Клавка...

— Я и себе купила.

— Да ну! В кои-то веки себе, ты ведь все мужику своему, дочке, внуку да родственникам Гошиным.

Клава бережно достала кожаную курточку. Трудно было не заметить качественную мягкую кожу, да и сама куртка была так ладно скроена и приятно пахла.

— Ой, Клавка, я еще таких не видела.

— Последняя досталась.

— Ну примерь!

Клава легко надела курточку и смущенно посмотрела на Людмилу. Не привыкшая хвастаться, она почувствовала неловкость.

— Да она же на тебя сшита, как влитая сидит! Ты сразу в ней такая... такая особенная. Вот еще обувь, юбку моднячую и можно по нашему местному «Бродвею» под ручку со своим красавцем прогуливаться, — Людмила спрыгнула и прошлась по вагону, как будто на прогулке: «Лай-лай», тихо запела она.

— Не смей меня, какой «Бродвей», надену какой раз, — Клава сняла курточку и прижала ее к груди, радуясь удачной покупке.

Поезд замедлил ход, приближаясь к станции. Пассажиры, с сумками, чемоданами, стояли еще сонные, поглядывая в окна, пытаются увидеть встречающих.

Клава стояла до последнего человека. Георгия почему-то не было. Невысокий мужичок в кепке сто-

ял напротив и выкрикивал: «Кому в город? Кому на автовокзал?»

— Клава, здорово! Может, тебя подвезти? — спросил он знакомую проводницу.

— Здравствуй, Юра, меня муж встретит.

Юрий таксовал, когда не его смена. Зарплату платили с перебоями, поэтому вставал раненько и на вокзал.

— А-а-аа, понял. Ну, если что, то тебя бесплатно, я добро помню.

— Ладно, Юра, может, какой раз подвезешь, — Клавдия частенько находила пассажиров для таксиста еще в вагоне, можно сказать, передавала почти из рук в руки. Она знала этого простого мужичка — работягу, который помогал сыну-студенту.

— Ну и где твой мастер (Георгий работал мастером цеха на заводе)? Не встречает, что ли? — спросила напарница.

— Должен быть, — Клавдия вернулась в вагон и поглядывала в окно. Не заметила, как кто-то поднялся и вошел в тамбур. — Ой, Гошенька! Бегу, бегу, — она обхватила за шею высокого Гошу. Широкий в плечах, симпатичный и гладко выбритый Георгий важно стоял в тамбуре, поджидая жену.

— Ну ладно, ладно, я тоже соскучился... Где там твоя сумка?

— Да вот она, увези домой, а я уж налегке доберусь после планерки. Гошенька, там продукты... Ну ты сам разберешь.

Он вышел из вагона, неся сумку легко, как будто и не тяжелая была.

Домой Клава приехала только к обеду. Сумка была открыта, продукты разложены. И вещи тоже. Она еще раз взяла в руки куртку: «Ладно, вечером похваста-

юсь». Пошла в ванную, приняла душ и уставшая легла на постель. Уже засыпая, бормотала: «Бегу, бегу...»

К приходу Гоши успела сварить супчик. Георгий степенно разделся, умылся, неторопливо вытерся полотенцем. Темные, слегка волнистые волосы аккуратно причесал, прошел на кухню и сел у стола, закинув ногу на ногу.

— Это ты молодец, что салями купила, — он сам взялся резать колбасу, сыр, потом покрутил в руках банку кофе. — Ирка просила кофе, ты не забыла купить?

— Ой, забыла! — Клава присела на табурет. — Слушай, совсем забыла. Да и некуда было, хоть в зубах носи.

— Эх ты, тетеха, записывать надо, раз память дырявая.

— Ну хочешь, эту банку отдадим, а в следующий раз куплю, у нас же есть кофе.

— Ладно, пусть берет эту банку, — согласился Георгий.

Ира была его родной сестрой.

— Кстати, она скоро придет, я звонил ей. Ты же куртку Ирке привезла.

— Куртку?! — Клава даже не поняла сразу. Потом вспомнила, что у нее с Иркой один размер. — Почему Ире? Она не заказывала, это я себе купила.

Гоша, отправляя очередной ломтик салями себе в рот, не сводил глаз с Клавы:

— А тебе она зачем? — не прожевав, спросил он. — Есть же чего носить.

— Как зачем? Понравилась. — Она кинулась в комнату, принесла куртку. — Ты только глянь, как она мне идет! Посмотри, как сидит, — она надела ее и несколько раз повернулась.

— А денег сколь стоит?

— Стоит, Гоша, стоит, ну так я же зарплату получаю.

— Да-а, Клава, транжира ты. Запчасти для машины купить надо? Надо. Заправить машину надо? Надо. Сумки-то тебе кто возит? Я вожу. Телевизор новый надо купить... а ты куртку за бешеные деньги. Продай ты ее Ирке, пока она согласна взять.

— А откуда она знает про куртку?

— Ну, так я сказал, она обрадовалась, деньги сегодня отдаст, — Георгий увидел грустное лицо жены, встал и обнял ее. — Зачем она тебе, только лишние траты. Да и куда в ней пойдешь?

Звонок в дверь прервал разговор.

— Бегу, бегу, — машинально сказала Клава и направилась к двери. Ира, яркая блондинка, впорхнула в квартиру.

— Клавочка, показывай! Гоша сказал, что ты куртку импортную на меня привезла.

Клава и двух слов не успела сказать, как Ира оказалась в комнате:

— Ух, как вкусно пахнет! Ладно, продукты потом. Конфеты, кстати, привезла?

— Привезла, — Клава уже совсем растерялась, не зная, что сказать.

— Это она? — Ира схватила куртку, ощупывая и разглядывая. — Ой, я еще такую не видела, — она надела ее и с упоением стала крутиться у зеркала, — на меня, точно на меня! Ну спасибо, угодила! Сколь стоит-то? Ты уж сильно не загибай, а то я сейчас на мели. Но ты не переживай, я отдам, завтра же отдам, займу, но отдам.

— Вот это дело, — в комнату вошел Георгий, — молодец, сеструха, сказала, деньги будут, значит будут. Слышь, Клава, ты вози дефицит, Ирка найдет применение, — он обнял женщину и повел в кухню:

— Пойдемте, девчонки, чайком побалуемся, у нас сегодня деликатесы.

Георгий взял гитару, коснулся пальцами струн. Клаве нравилось, как поет Георгий: первый раз как услышала, так, может, и еще больше влюбилась. Когда Клава возвращалась из поездки, вечером Георгий, довольный подарками, брал гитару. А подарки Клава привозила часто. Один только ящик с импортными инструментами чего стоил. Обувь импортная, костюмы, да и так много чего для любимого Гоши. Себя Клавдия, признаться, обделяла. В поездке в форме, а дома дел полно, особо выйти некуда.

Но в этот раз куртка, которую она купила случайно, запала в душу.

— Ира, куртку-то я себе взяла, — наконец призналась хозяйка.

— Здрасьте вам, — Ирка скривила губы, — Гоша сказал, приезжай, забирай...

— Поторопился Гоша. Себе я купила.

— Чего опять? — Гоша отложил гитару. — Договорились же, деньги нам нужны, куртку продаем.

— И правда, Клава, продай ее мне, — стала упрашивать Ира, — ты вон при мужике живешь, какого красавца отхватила, он тебе сумки таскает. А я в разводе, мне надо замуж выходить, вещи модные нужны. Не убудет с тебя, если куртку отдашь.

Клава молчала. Внутри вдруг все перевернулось. Не то чтобы так куртку было жалко. Это были другие чувства, хоть и связанные с вещью, которую она купила для себя. Радость вдруг пропала. То настроение, с которым она в вагон в Москве вернулась и с которым ехала домой, исчезло.

— Гоша, так моя же вещь, ты же не спросил, а уже распорядился.

— Короче, Клава, купишь ты себе еще, а эту куртку мне уступи. — Ира взяла ее и стала сворачивать. — Ну?! Договорились?

— Ну, вот что, — устало сказала Клавдия, — оставь вещь. Не продается.

— Все с вами ясно, — Ирка швырнула куртку и надула губы, — я пошла, можете не провожать, — она кинула в сумку палку салями и кофе, коробку конфет, которые Клава привезла ей. — За продукты деньги завтра отдам.

— Ир, погоди, — крикнул Гоша, — я провожу.

Клава так и сидела на кухне, глядя в одну точку.

— Ну и характер у тебя, Клавдия, знал бы, не женился, — начал Георгий, когда проводил сестру. — За чем ты меня перед сестрой унижаешь, против моего слова идешь? Я пообещал, могла бы и согласиться, а ты уперлась, как... хоть разводись, — заикнулся Георгий, зная, что для Клавдии такой намек будет болезненным.

— Разводись, — равнодушно сказала она, не испугавшись его слов.

Георгий подошел к столу, наклонился к Клавдии, упершись руками в стол. — И разведусь...

— Ну и разводись, — не медля, ответила она.

Спать легли отдельно. В последующие дни почти не разговаривали. Вообще-то Клава пыталась заговорить, но Георгий дулся, уклонялся от ответов, а если какой раз и отвечал, то как будто одолжение делал.

— На развод я подала, Гоша, — Клавдия ошеломила мужа новостью, — ты хотел развестись, вот и разводимся.

Георгий думал, что она ищет пути примирения, а она всерьез решила развестись: «Съехать тебе надо, пока я дома, вещи помогу собрать».

Георгий психовал:

— Поспешное решение, Клавдия, я-то найду себе, а вот ты будешь локти кусать.

— Поспешили, когда решили расписаться, — ответила Клава.

Наконец, собрав все подарки, купленные Клавдией за совместный год жизни, Георгий съехал. Она упала на кровать и зарыдала. До этой минуты стойко держалась, а как только он вышел из квартиры, так сразу истерика началась. Весь вечер проплакала, потому что надежды рухнули, все ее мечты, связанные с Георгием, — все разрушилось в одночасье.

Через неделю Георгий встретил ее в магазине недалеко от дома, сразу было заметно, что ждал. Напыщенность куда-то исчезла, взгляд заискивающий:

— Клава, давай помогу, — он хотел взять сумку из рук.

— Сама донесу, не тяжелая, — она пошла, не останавливаясь.

— Клава, погоди, остановись на минуту, давай поговорим! — крикнул вслед.

— Бегу, бегу, бегу, — шептала она, ускоряя шаг и все больше удаляясь от Георгия. Так до самого подъезда и повторяла: «Бегу, бегу, бегу». Так и убежала в этот раз от мужа, который через несколько дней стал бывшим. Когда, наконец, поймешь, что тебя не любят, то как-то решительнее становишься.

Это была первая поездка после отпуска. В Москве она думала, куда ей поехать. Удивительное дело: в этот раз почти не торопилась. Она старалась не торопиться. В сумке лежали гостинцы дочери и внуку, и сама сумка в этот раз была не тяжелой. Остановилась у киоска с мороженым, купила любимое эскимо и села на скамейку. Вокруг суетился народ, все куда-то спешили, и только

Клава чувствовала свободу, зная, что в запасе еще полно времени. Она не помнила, когда последний раз сидела на скамейке с мороженым.

Совсем не хотелось бежать за дефицитом, в этот раз отпустила саму себя просто погулять. И в вагоне стала ходить чуть медленнее, а на больших перегонах смотрела в окно, любясь золотистыми березами.

— Хозяюшка, чайку можно? — просили пассажиры.

— Бегу, бегу, — отвечала она и тут же поправляла саму себя, — иду, иду, — и замедляла шаг. Когда меньше суеты, думается лучше.

На перроне знакомый таксист Юра выкрикивал:

— Кому до автовокзала?

— Юра, тут муж с женой такси спрашивали, подвези.

— Спасибо, Клава! Снова выручила. Когда же я тебя-то подвезу?

— А вот сегодня и подвези. После планерки. Сможешь?

— Смогу! Лишь бы муж не ревновал...

— А мужа нет, — ответила она.

— Это хорошо... Ой, прости ты меня, может, это и плохо, только я почему-то обрадовался. Приеду сегодня, точно приеду.

Клавдия кивнула. И вроде мыслей никаких не было, и планов никаких не строила, а почему-то подумалось: «Пусть подвезет добрый человек, разве это плохо. Это хорошо, когда кто-то хочет добро тебе сделать».

Главбух

Полутемный коридор на втором этаже встречал прохладой.

— А чего света нет? — ворчали дамы из планового отдела.

— Так экономия, — хихикали технологи, — наша главбухша даже на лампочках экономит.

Главбухшей звали Альбину Андриановну, строгую пышнотелую даму. По возрасту — под полтинник, по опыту — может предприятием управлять, разбирается во всем.

— Так, Никодимов, когда отчет будешь как надо подавать? — Альбина грозно взглянула на забежавшего снабженца, худощавого, высокого, шустрого Николая лет тридцати. — Снова расход бензина большой!

— Вы что, думаете, я его пью? — Николай развернулся к Альбине как на шарнирах. Грузная, с гладкой прической, собранной в пучок, в очках, которые сползли на кончик носа, она смотрела на снабженца как удав на кролика.

— Я почему знаю, что ты с ним делаешь, понимать должен, в какое время живем, и сколь еще продлится эта канитель, неизвестно. Так что не гоняй машину почему зря. Или водителя контролируй...

— Альбина Андриановна, что вы наезжаете каждый раз?

— Ладно, иди отсюда, следующий раз заставлю отчет переделывать.

Николай и сам собрался уходить, зная, что с «грозбухшей» (так ее называли за глаза) лучше не связываться. Поговаривали, что ее сам директор и главный инженер боятся. На самом деле, не боялись, а уважали за ее скрупулезность и жесткую экономию, время было тяжелое: 90-е годы.

— Альбина Андриановна, а если бы у тебя такой зять был? — со смехом спросила бухгалтерша материальной группы Людмила.

— Зять — нечего взять! — проворчала главбухша. — Зачем он мне сдался, к тому же женатый?

Все знали, что Николай боготворил свою молодую жену, сдувая с нее пылинки. Стройную, фигуристую Светочку видели с ним в городе. Навьюченный, как ишак, он нес сумки, а она стучала каблучками рядом.

— Ну да, у него жена-красавица, — согласилась Людмила, — он от нее, как говорит молодежь, без ума.

— Вот-вот, иногда с документами работает «без ума», — вставила очередную «шпильку» главбухша.

— Ну, Альбина Андриановна, зато как снабженец — он старательный, носом землю рыть будет, а найдет любую деталь.

Главбухша молчала, не собираясь менять свое мнение. Для нее порядок — прежде всего, будь то Никодимов или кто другой, скажет все в глаза.

Николай лишний раз старался не заходить в бухгалтерию, чтобы не «столкнуться» взглядом с вредной главбухшей. «Вот сколько в ней веса, столько и вредности», — подумал он про себя, выходя из кабинета.

Утро в тот день было солнечное, ветви с молодой, едва проклюнувшейся листвой качались за окном от теплого ветра. Альбина, отдышавшись, села за стол и стала, не торопясь, раскладывать бумаги. Она любила приходить пораньше, когда еще никого не было, любила этот настрой на работу, свежесть утра и тишину.

Дверь распахнулась, появился Никодимов, — она заметила это краем глаза, губы слегка скривились: «Принесло в такую рань», подумала она и, не глядя на него, сквозь зубы произнесла:

— Ну чего еще? Вчера же все сдал.

— Тут с прошлого месяца бумажка, — сказал он потертым голосом. Голос был настолько непривычно тихим, что «грозбухша» невольно взглянула на него. Бледный, осунувшийся, он был похож на несчастного человека, хотя изо всех сил старался этого не показывать. Положив документ на стол, Николай хотел выскользнуть из кабинета, но Альбина остановила.

— Никодимов, погоди, ты чего такой? Стой, тебе говорю, — она пододвинула стул, — садись на пять минут. — Случилось чего?

Никодимов, как послушный школьник, впервые не ерепенился перед ней, молча присел рядом.

— Не спал, что ли? Беда какая случилось?

И вдруг этот молодой, неунывающий мужчина вздрогнул, губы затряслись, как у обиженного ребенка: «Жена ушла», упавшим голосом признался он. И тут же отвернулся, потому как излишняя эмоциональность увлажнила глаза, а плакать было стыдно, тем более перед грозбухшей, с которой он давно как кошка с собакой.

— Ах ты, матушки мои, — ахнула она.

И эта неприступная стена, эта глыба, умевшая поставить на место любого на предприятии, обнажила всю свою сердобольную женскую натуру.

— Не стыдись, всплакни, если хочешь, не держи в себе, Коля.

И он, растроганный от неожиданного понимания, повернулся, и голова его непроизвольно склонилась на ее мягкое плечо. А она гладила по голове, как маленького:

— Было и со мной такое, знаю, проходили, благоверный также ушел и ручкой не помахал.

— Простите, Альбина Андриановна, — Никодимов словно опомнился, — это минутная слабость.

Эти слезы появились второй раз в жизни. Первый раз, когда умерла тетка, вырастившая его. Забрала из детдома после гибели родителей, вырастила как родного сына. А когда ему было восемнадцать, ушла в иной мир, оставив одного. И только Света была его лучиком жизни, ради которого хотелось жить.

— Погоди, не торопись, может, она вернется.

— Не вернется, это точно, сама призналась, что другого любит, он молодой предприниматель, любовь у них.

— А ты не бери в голову, ты работай, это отвлекает. Посиди тут, я чайку вскипятну, у меня и бутерброд есть, ты же голодный, поди.

Николай соскочил, замахав руками:

— Нет-нет-нет, я не хочу, и на том спасибо. Простите, не хотел, так получилось.

— Пообещай мне, что глупостей не наделаешь. Это я тебе как мать говорю. Все пройдет, и это тоже.

Казалось, ему и в самом деле стало легче, взгляд посветлел, он с благодарностью смотрел на главбухшу, которая от сочувствия и сама готова была расплакаться.

В конце недели Николай сам предложил Альбине отвезти ей на дачу бочку для воды.

— Да что ты, мне и так отвезут, не трать время, — но он был так настойчив, что Альбина согласилась.

Больше никогда они не ссорились, и наконец-то оба увидели друг в друге отзывчивых людей. Жена Светочка к Никодимову так и не вернулась, уютно устроившись у перспективного предпринимателя.

Через полгода главбухша познакомила Николая со своей дочерью Леночкой. А еще через полгода стала тещей.

— А как же ты, Альбина Андриановна, свой «цветок лазоревый», свою Леночку Николаю отдала? — спросила Людмила.

— Сам взял, и Леночка сама пошла. Коля — хороший, надежный, пусть живут.

В пятьдесят один год Альбина Андриановна впервые стала бабушкой, а Николай «летал как на крыльях», узнав, что у него родился первенец. В тридцать лет.
